

О.Н. Попова

**Севастополь его оборона,
1854-1855 г.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.Н. Попова**
Севастополь его оборона, 1854-1855 г. / О.Н. Попова – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-518-00060-5

ISBN 978-5-518-00060-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скій домъ породнился съ гордымъ побѣдителемъ, выдавъ за него замужъ дочь императора Франца Марію-Луизу. Наполеонъ торжествовалъ, но возвеличеніе его наносило страшный ударъ самолюбію наслѣдственныхъ монархій. Когда самонадѣянный планъ Наполеона побѣдить и Россію сломилъ его могущество, и французы были изгнаны изъ предѣловъ нашего отечества, государи Европы образовали союзъ съ цѣлью бороться за неприкосновенность своихъ государствъ. Мысль о такомъ союзѣ подалъ императоръ Александръ I, на долю котораго выпала слава умиротворителя Европы послѣ окончанія войны 1812 года. Онъ давно уже мечталъ о соединеніи узами братства всѣхъ христіанскихъ государствъ для того, чтобы препятствовать возникновенію кровопролитныхъ войнъ, которыя являлись источникомъ ужасныхъ бѣдствій для человѣчества. Цѣлью союза, слѣдовательно, было утвержденіе всеобщаго мира и благоденствія народовъ; средствомъ—тѣсный союзъ государей для оказанія взаимной помощи на великихъ началахъ евангельской любви.

Актъ Священнаго Союза былъ написанъ рукою русскаго государя и переданъ имъ лично для подписи тѣмъ, которыхъ онъ считалъ своими вѣрными друзьями и сотрудниками въ дѣлѣ освобожденія народовъ: императору австрійскому и королю прусскому. Три монарха обязывались подчинять свои дѣйствія высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя“, и по отношенію другъ къ другу блюсти заповѣди святой вѣры заповѣди любви, правды и мира. Но такія высокія стремленія легче изложить на бумагѣ, чѣмъ провести въ жизнь. Съ тѣхъ поръ прошло около столѣтія (Священный Союзъ былъ подписанъ 15 сент. 1815 г.), и все такъ же враждуютъ народы и еще ужаснѣе, чѣмъ въ то время, кровопролитныя войны, которыя ведутся по по-

вѣйшимъ способамъ истребленія людей. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ государствъ основываются не на любви и братствѣ, а на силѣ, ловкости и коварствѣ. Создать равновѣсіе между интересами этихъ государствъ требуетъ высшаго напряженія матеріальныхъ и духовныхъ силъ отдѣльныхъ народовъ. Планъ императора Александра I, несмотря на высокія чувства самоотверженія, которыми руководился государь, долженъ былъ потерпѣть неудачу. Главный министръ Австріи, князь Меттернихъ, сразу высказался противъ союза, указывая на странность договора между тремя государствами, изъ которыхъ одно было православное, другое исповѣдывало католическую вѣру, а третье—протестантскую. Если императоръ австрійскій и король прусскій и подписали актъ Священнаго Союза, то лишь потому, что боялись прогнѣвить русскаго императора; они считали этотъ актъ пустою выдумкою черезчуръ пылкаго религіознаго увлеченія, а не серьезнымъ государственнымъ постановленіемъ. Между тѣмъ русскіе государи, Александръ I и Николай I, относились къ этому постановленію со всею страстью искренно убѣжденныхъ людей, и въ продолженіе сорока лѣтъ всѣ дѣйствія русскаго правительства основывались именно на условіяхъ, выраженныхъ въ актѣ Священнаго Союза. Вѣнскій и прусскій дворы, получая всѣ выгоды отъ такого положенія вещей, не считали себя обязанными исполнять подписанный договоръ. Такое различное пониманіе вызвало цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя и привели къ очень печальнымъ послѣдствіямъ.

Николай I поддерживалъ иностранныя государства въ ихъ борьбѣ съ непокорными подданными, всегда защищая законное правительство, а когда ему понадобилась помощь своихъ союзниковъ, они не только не помогли ему, но даже встали во враждебное отношеніе къ рус-

скому правительству. Другія европейскія государства не могли простить Россіи то выдающееся положеніе, которое она заняла послѣ побѣды надъ Наполеономъ I и умиротворенія Европы. Враждебное отношеніе русскаго правительства ко всякому проявленію свободолюбивыхъ стремленій народовъ, поборотъ которое оно всегда было готово силою своего оружія, вызвало противъ Россіи недовольство передовыхъ націй, Франціи и Англіи; къ нимъ примкнули Австрія и Пруссія. Всѣ усилія русскихъ дипломатовъ сохранивъ хорошія отношенія съ европейскими государствами не увѣнчались успѣхомъ и жертвы, принесенныя честному исполненію договора Священнаго Союза, оказались напрасными. Недоставало только повода для того, чтобы загорѣлась война; этотъ поводъ подала Турція, которая, видя, что Европа враждуетъ съ Россіей, не пожелала подчиниться требованіямъ императора Николая, отказавшись отъ исполненія договора, въ силу котораго Россіи принадлежало покровительство православной вѣрѣ и ея послѣдователямъ на всемъ пространствѣ турецкихъ владѣній.

Турція не ошиблась въ своихъ расчетахъ; Англія прежде всего обнадѣжила ее заступничествомъ, рѣшивъ поддержать султана и склонить къ такому же дѣйствию и Францію. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ Англія заняла по отношенію къ Турціи то положеніе, которое прежде занимала Россія. Англійскій министръ Пальмерстонъ вмѣшивался въ управленіе Турціей и подавалъ совѣты султану въ дѣлахъ преобразованій и улучшеній быта страны и положенія его христіанскихъ подданныхъ, указывая на то, что султанъ долженъ уничтожить всякія преимущества между послѣдователями различныхъ христіанскихъ религій. Этимъ уже былъ нанесенъ большой ударъ самолюбію Россіи.

„Много причинъ совокупно содѣйствовали упадку зна-

ченія Россіи на Востокъ“, — говоритъ С. Татищевъ. — „Наша полная неспособность обнаружилась въ ту самую минуту, когда русскій императоръ, поборовъ всемірную революцію, былъ единогласно признанъ на Западѣ могущественнымъ щитомъ и опорой монархическихъ началъ и законнаго порядка“:

Императоръ Николай не задавался цѣлями завоевательными, но онъ твердо рѣшился поддерживать то, что считалъ своимъ правомъ, полагая, что и другія державы останутся вѣрными основамъ Священнаго Союза, который долженъ былъ охранять ихъ безопасность. Глубоко убѣжденный въ божественномъ происхожденіи верховной своей власти, государь и въ чужеземныхъ монархахъ видѣлъ государей, Божьею милостью тѣсно связанныхъ между собою своимъ высокимъ служеніемъ и узами братскаго Священнаго Союза. Поэтому онъ всегда относился съ довѣріемъ къ представителямъ древнихъ династій и съ отвращеніемъ къ революціямъ и ихъ послѣдствіямъ.

Разсчеты и надежды русскаго царя однако не оправдались, онъ вскорѣ убѣдился въ вѣроломствѣ своихъ союзниковъ. Каждый преслѣдовалъ лишь свои выгоды и ловкой цѣпью всякихъ увертокъ, которая зовется дипломатіей, эти союзники крѣпко сцѣпили узлы той сѣти, которую раскинули для Россіи.

Во Франціи въ то время воцарился императоръ Наполеонъ III, который лукавыми происками погубилъ республику и завладѣлъ престоломъ. Ему нужно было во что бы то ни стало упрочить свое положеніе, которое было довольно шатко. Французскій народъ относился къ нему враждебно, а иностранныя державы, и въ особенности Россія, считали его за дерзкаго выскочку. Чтобы отвлечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ внутреннихъ дѣлъ страны, ему надо было объявить войну и славою оружія покрыть свое безславное прошлое. При под-

держкѣ Англіи Наполеону III удалось добиться отъ турецкаго султана особеннаго покровительства католическимъ подданнымъ Турціи, жившимъ въ Палестинѣ, въ ущербъ правамъ громаднаго большинства православныхъ жителей этой страны. Турки начали не только тѣснить православныхъ христіанъ, но и оскорбили ихъ еще тѣмъ, что отняли у православнаго патріарха ключи отъ главныхъ дверей Вифлеемской церкви и передали ихъ католическому духовенству, — а передача ключей означала какъ бы передачу самого храма. Съ того дня, какъ возникъ этотъ споръ о Святыхъ мѣстахъ, столкновение между Россією съ одной стороны и Франціей и Англіей съ другой изъ-за преобладанія на Востокѣ сдѣлалось уже исторической необходимостью. Русскій царь считалъ себя законнымъ покровителемъ православной вѣры; основывая на ней свое могущество и незыблемость общественнаго строя русскаго государства, онъ клялся не только защищать ее отъ всякихъ посягательствъ, но и содѣйствовать торжеству ея въ цѣломъ мірѣ. Могъ ли онъ оставаться равнодушнымъ къ посягательству на права этой церкви въ Палестинѣ у самаго гроба Господня?

Событія въ жизни народовъ подчиняются извѣстнымъ законамъ, противъ которыхъ безсильно вліяніе отдѣльныхъ личностей. Наполеонъ III, достигнувъ власти нечестными путями, обманулъ свою страну, въ концѣ концовъ довелъ ее до погрома и самъ былъ взятъ въ плѣнъ нѣмецкими войсками. Такимъ образомъ законъ событій отомстилъ ему за нарушеніе народныхъ правъ. Съ другой стороны и Россія приведена была къ полному одиночеству, къ враждѣ со стороны тѣхъ государствъ, защитникомъ которыхъ она являлась въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Иностранныя государства спѣшили протянуть другъ другу руки и единодушно сплотились противъ Россіи, желая

подорвать ея могущество, которое служило столько лѣтъ опорой ихъ власти.

15 іюня 1853 г. высочайшимъ манифестомъ было объявлено, что „къ крайнему прискорбію, вопреки всѣхъ усилій защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго“.

„Не завоеваній ищемъ мы, —говорилось въ манифестѣ,—и въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято наблюдать неприкосновенность православной церкви“.

Но такого желанія у Турціи не было, а когда Франція и Англія подъ предлогомъ огражденія мира двинули свои корабли къ Дарданельскому проливу, императоръ Николай былъ вынужденъ направить свои войска въ Дунайскія княжества. 24 сентября 1853 г. Турція объявила намъ войну и послала свои войска въ Валахію. Какъ сухопутныя, такъ и морскія силы Россіи побѣдили Турокъ; Нахимовъ истребилъ турецкій флотъ около Синопа.

Побѣды русскаго оружія встревожили Францію и Англію; обѣ державы поспѣшили на выручку Турціи и въ февралѣ 1854 года также объявили Россіи войну. Австрія выдвинула свои войска на границу, принимая угрожающее положеніе, а Пруссія, хотя оставалась спокойною, не выказывала ни малѣйшаго желанія поддержать Россію, выразить ей на дѣлѣ какое бы то ни было сочувствіе. 1-го сентября 1854 года союзный французскій, турецкій и англійскій флотъ уже стоялъ въ Черномъ морѣ, въ виду Севастополя.

II.

Состояніе русскаго общества и его настроеніе.

Какъ встрѣтило русское общество извѣстіе о началѣ войны? Оно встрѣтило его взрывомъ патріотическихъ восторговъ, съ сознаниемъ могущества Россіи и съ полной увѣренностью на скорую побѣду и на посрамленіе Европы. Образчикомъ такого настроенія можетъ служить стихотвореніе Ѡ. Н. Глинки, которое ходило по рукамъ и заучивалось наизусть.

Ура!—на трехъ ударимъ разомъ!
Не даромъ же трехгранный штыкъ!
Ура отгрянетъ надъ Кавказомъ,
Въ Европу грянетъ тотъ же кликъ!

И двадцать шло на насъ народовъ,
Но Русь управилась съ гостями:
Ихъ кровь замыла слѣдъ походовъ,
Поля бѣгѣлись ихъ костями.

Тогда спасали мы родную
Страну и честь, и Царскій тронъ;
Тогда о нашу грудь стальную
Разбился самъ Наполеонъ.

Теперь же вадрогни, вся природа!
Во снѣ не снилось никому:
Два христіанскіе народа
На насъ грозятся за чалму.

Что жъ скажетъ лѣтопись предъ свѣтомъ
Про нечестивый вашъ союзъ?
Британецъ въ сдѣлкѣ съ магометомъ,
И—стыдъ! отурчился французъ!!

Но вѣрьте, всѣ ваши мытарства,
Расчетъ и вычетъ—все мечта!
Вамъ русскаго не сдвинуть царства:
Оно съ Христомъ и за Христа!!

Были и другія стихотворенія и статьи въ газетахъ и журналахъ, которыя высказывали весь пылъ горячаго воодушевленія и презрительнаго отношенія къ затѣянной за-

падными государствами войнѣ. Тогдашній министръ просвѣщенія Норовъ находилъ, что высказываемые взгляды и надежды свидѣтельствуютъ о троякомъ направленіи умовъ, которые выражали: „глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывъ негодованія противъ посягательствъ чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи“, — но между прочимъ испрашивалъ у государя дозволенія: „до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій?“ Печатаніе разрѣшилось безпрепятственное съ условіемъ, чтобы не было брани по отношенію къ противникамъ.

Особенною популярностью пользовалось еще слѣдующее стихотвореніе:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновленъ его отвагой
И французъ за пимъ туда-жь,
Машетъ дядюшкиной шпагой.
И кричитьъ: Allons, courage! *
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не оставитесь въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
Такъ племяннику подавно
И вдали не сдобровать.
Альбионъ—страна иная:
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ.
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ.
Какъ высокое давленье
Имъ покажутъ безъ царовъ!
Знайте-жь, машина готова,
Будетъ дѣйствовать, какъ встарь,
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь!

* Смѣло впередъ.

Раздавались впрочемъ и другіе голоса, которые не предавались воинственному азарту, а напротивъ обличали современное состояніе Россіи, говорили о томъ, какая неправда черная царить въ судахъ, сколько кругомъ лжи и лести, сколько позорной и мертвой лѣни! Но такія мрачныя разсужденія тонули въ волнахъ гордаго самовосхваленія, да и кромѣ того не всегда могли проникнуть въ печать, которая охранялась отъ всякой подобной нежелательной откровенности. Если и было у нѣкоторыхъ предчувствіе, что война сулитъ намъ много горя и слезъ, то они таили это про себя, такъ какъ ихъ замѣчанія не встрѣтили бы никакого сочувствія и ихъ бы упрекнули чуть не въ измѣнѣ родинѣ.

Куда веселѣе было пѣть:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселился, храбрый россия!

Историкъ М. П. Погодинъ былъ того мнѣнія, что теперь Восточная Европа, т. е. Россія, убѣдится черезъ грозное столкновеніе съ Западомъ въ необходимости образованія, въ истинѣ Петровой пословицы, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. „Во тьмѣ мы упали бы въ пропасть,—говоритъ онъ.—Нельзя жить въ Европѣ и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями научными, административными и житейскими... Науки не такого рода произведенія, чтобы можно было питаться ими въ мѣру, только въ предохраненіе отъ голодной смерти: или все, или ничего—вотъ ихъ девизъ“.

А между тѣмъ въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ пятидесятыхъ наука была въ большомъ загонѣ и ее всячески преслѣдовали и ограничивали. Историческія сочиненія претерпѣвали сильныя цензурныя помарки. Такъ изъ древней исторіи вычеркивали имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу народа. Въ 1849 году ходили даже слухи о закрытіи университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Паша жизнь, какъ въ провинціи, такъ и въ сто-

лицахъ, текла вяло и скучно. Все было подвержено извѣстному регламенту, чиновочитанію, все было стѣснено до послѣдней степени. Ни критики, ни обсужденія какихъ бы то ни было событій гражданской жизни не допускалось. Одни приказывали—другіе слушались; одни обогащались, другіе должны были способствовать ихъ обогащенію. Литература страдала больше всего; даже пьесы Островскаго считались нецензурными; „Бориса Годунова“ Пушкину предлагали передѣлать въ романъ во вкусѣ Вальтера Скотта. Злоупотребленія, благодаря отсутствію гласности, царили повсемѣстно.

Въ учебныхъ заведеніяхъ главное вниманіе было обращено на форму, на такъ называемую нравственность, т. е. на старательную наружную покорность. Истинныя дарованія, которыя выдавались изъ общаго средняго уровня, не одобрялись, а унижались. Объ ученіи или наукахъ мало заботились,—главное, чтобы помѣщенія блистали чистотой и всѣ вели бы себя тихо, чтобы не случалось исторій.

„Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, — говоритъ тотъ же Погодинъ, — стали выходить люди не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемѣры, такіе исполнители, которые, чуть обстоятельства стали помудренѣе, такъ и не сыскались ни въ одномъ вѣдомствѣ, даже въ военномъ, бывшемъ предметомъ всѣхъ попеченій; безъ настоящаго образованія оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

„Вяѣшнее наблюденіе ввѣрялось людямъ, пожалуй, нравственнымъ и благонамѣреннымъ, но непросвѣщеннымъ и не имѣвшимъ понятія, что такое народъ, государство, наука, ученіе, что такое духъ времени и его требованія. Близорукими и пристрастными своими распоряженіями они довершили разстройство, и въ пять-шесть лѣтъ довели его до крайней степени“.

Говоря о стремленіяхъ правительства внушить народу благоговѣйное подчиненіе власти, Погодинъ замѣча-